

The poster features a dramatic scene with a large, dark-scaled dragon with glowing red eyes on the left. A man with long, wavy blonde hair and a woman with long, flowing red hair are in the center, embracing and looking at each other. The man is wearing dark armor with a red cape. The woman is wearing a red, off-the-shoulder dress. In the background, a gothic-style city with spires is visible under a sunset sky. The title is written in large, stylized letters at the bottom, and a rating symbol is in the bottom right corner.

МАРГАРИТА
КИРОВА

ЛОЖНАЯ
ИСТИННАЯ
ПЕПЕЛЬНОГО
ДРАКОНА

18+

Маргарита Кирова

**Ложная истинная
Пепельного дракона**

«Автор»

2026

Кирова М.

Ложная истинная Пепельного дракона / М. Кирова — «Автор»,
2026

Я точно знаю две вещи. Первая: драконы опасны. Вторая: я не истинная наследного принца Кейрана. Вот только Веретено Нитей считает иначе. Я пришла на Отбор вместо подруги, рассчитывая тихо переждать церемонию и вернуться в свою швейную мастерскую. Но магия связала меня с Пепельным драконом, которого боится вся империя. Проблема в том, что я вижу изнанку чар. И наша «истинная» связь — подделка. Кто-то вмешался в судьбу принца. Кто-то использовал магию моей погибшей матери. И теперь у нас девяносто дней, чтобы найти виновного. А пока придётся изображать влюблённых. Улыбаться на балах. Спать в одной комнате. И соблюдать главное правило нашего договора: не влюбляться. Особенно друг в друга.

© Кирова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Последний стежок	5
Часть первая. Ложь	7
Глава 1. Девять жребиев и один лишний шов	7
Глава 2. Улыбайся, истинная	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ложная истинная Пепельного дракона

Пролог. Последний стежок

За шестнадцать лет до Отбора

Мирра Вэйл терпеть не могла вышивать поверх чужой работы. Под золотом слишком часто прятались узлы, которые страшно было трогать.

Гобелен Нитей занимал всю стену Зала Реестра: нижний край уходил в прорезь пола, верхний терялся под сводами. На лицевой стороне сияли десятки тысяч имён. От каждого тянулась нить – к соседнему имени или через полотно, почти от края до края.

Мирра видела и другую сторону.

На изнанке проступали закрепки, обрывы, заплаты. Любая вышивка с оборота выглядела хуже, чем с лица, но здесь среди золотых нитей слишком часто мелькал серый цвет.

Она провела ногтем по стежку у имени генерала Руэна. Подушечку пальца обожгло.

– Вот же мерзавец.

В Зале Реестра никто не мог обидеться на её тон. По праву Ревизора Мирра входила сюда без трёх ключей – замок узнавал Иглу Изнанки. Сложнее было убрать стражу. Для этого она подделала распоряжение Хранителя Валя. Его подпись оказалась до смешного простой: одна и та же клякса на каждом документе.

Если доживёт до утра, обязательно его отругает.

Семнадцать серых заплаток. Вчера было шестнадцать.

И ещё одна вещь, хуже всех остальных: пустая петля под именем Кейрана Ашвейла, восемнадцатилетнего наследника.

Кто-то заранее приготовил место для его будущей истинной.

Мирра помнила Кейрана мальчишкой, который после первого ожога потребовал сжечь лекарский корпус, потому что лекарь назвал его «миленьким малышом». Недавно он научился летать над морем без сопровождения и теперь держался так, будто с ним вообще ничего не может случиться.

А кто-то уже собирался посадить его судьбу на поводок.

Мирра раскрыла кожаный блокнот. Под пометкой «петля под наследником» стояли имена: Дейн, младший помощник Реестра; Альберик Фенн, её ученик; ещё трое, чьи следы она пока не смогла распознать. Один из неизвестных шил без единого узелка – редкое умение и плохой знак.

Она достала Иглу Изнанки. В обычном свете тонкая сталь казалась чуть погнутой. Рядом с ложью начинала светиться изнутри.

Просто разрезать петлю было нельзя. Второй конец уходил глубоко под основу Гобелена, туда, где неосторожный стежок мог задеть живую нить наследника. Мирра уже однажды шесть часов держала на Игле дыхание двух близнецов, исправляя чужую ошибку. Повторять такой опыт она не собиралась.

Поэтому сделала другое.

Рядом с пустой петлёй лег крошечный золотой стежок, незаметный с лицевой стороны. Мирра запечатала в нём отпечаток своего голоса и память о чужой работе. Если другой Ревизор когда-нибудь примет присягу у Веретена и коснётся этого места Иглой, Гобелен покажет, как создавали петлю.

– Рен, – прошептала Мирра, проверяя ноту. – Если ты когда-нибудь придёшь сюда...

Дальше слова не пошли.

Она закрыла стежок присягой и спрятала Иглу в серебряный напёрсток с трещиной на боку. Крышечка защёлкнулась. Теперь тайник выглядел дешёвой безделушкой.

Внизу ударил колокол. Два часа ночи.

Мирра погасила лампу и по служебной лестнице вернулась в маленький дом за дворцовой стеной. Эсфирь ждала с дорожной сумкой. Восьмилетняя Ренна сидела в кресле, сонная, нахохлившаяся и недовольная всем миром.

– Я не пойду, – объявила она. – Завтра мы обещали печь лепёшки.

– У Эсфири печка лучше.

– Она дымит.

– Придётся смириться.

Мирра присела перед дочерью. Последние недели Ренна замечала слишком многое. Недавно увидела заплатку на городской защите и спросила, кто испортил небо.

– Слушай Эсфирь. Помогай ей. И никому не рассказывай про швы, которые видишь.

– А ты?

– У меня работа.

– Ненавижу твою работу.

– Иногда я тоже.

Мирра надела ей на шею цепочку с напёрстком. Ренна сразу зажала его в кулаке.

– Он мой?

– Твой. Но не открывай, пока не поймёшь, как.

– А если я забуду?

– Тогда ничего страшного.

Мирра отвела глаза.

Эсфирь взяла сумку и повела девочку к двери. На пороге Ренна обернулась.

– Мам. Ты лепёшки любишь с мёдом или с сыром?

– С сыром.

– Значит, я тебе оставлю две.

Эсфирь закрыла глаза. Мирра улыбнулась, потому что иначе не смогла бы отпустить дочь.

Через минуту у садовой калитки затарахтела повозка. Мирра стояла у окна, пока стук колёс не стих.

Теперь обратно в Зал. Доказательства. Император.

Нужно было успеть раньше тех, кто уже понял, что она слишком много увидела.

Мирра вернулась во дворец служебным ходом. Открыла дверь кабинета при Зале Реестра и остановилась.

В коридоре стоял человек в сером плаще. Свет не доставал до лица. Пахло сахарными фиалками.

– Вы поздно, – сказала она.

Человек коротко, с жалобным присвистом втянул воздух.

Мирра узнала этот присвист.

– Я не хотел, – ответил он.

Мирра закрыла дверь за собой, чтобы он не увидел пустую детскую.

– Тогда смотри на меня, когда будешь рассказывать им, что я сделала.

Он не поднял головы.

Мирра подумала о золотом стежке у имени Кейрана. О напёрстке на шее Ренны. О двух лепёшках, которые так и останутся ждать её.

Если кто-нибудь когда-нибудь увидит – пусть увидит вовремя.

Часть первая. Ложь

Глава 1. Девять жребиев и один лишний шов

«Шёлковый шёпот»: «Ставки на нынешний Отбор: один к двадцати, что наследник опять заблудится по дороге в Зал Прях».

В Зале Прях пахло воском, горелыми волосами и деньгами. Денег было явно больше, чем волос, хотя одну из кандидаток так щедро окурили благовониями, что причёска уже дымилась.

– Вы наступили мне на платье, – сказала она.

Я опустила глаза. Мой каблук прижимал к полу край её подола.

– Простите.

– Вы, конечно, не знаете, сколько оно стоит.

– Нет. Но если убрать каблук, дырка будет маленькая.

Она выдернула ткань из-под моей ноги.

В Лоскутном квартале такую дырку я зашила бы за пару медяков. Здесь, видимо, дыркам полагалось собственное наследство.

Я отошла к колонне и снова повторила четыре правила, которые Эсфирь вбивала мне в голову с детства.

Не смотри на магию.

Если не получается – смотри в пол.

Не отвечай на вопросы, которых не задавали.

Не говори, что видишь.

За двадцать четыре года соблюдать все четыре одновременно мне удавалось редко.

– Ренна!

Пиппа Лис проталкивалась между народными кандидатками с тем же упорством, с каким её отец, по её словам, проталкивал рыбные телеги на пристани. Круглое лицо покраснелось, жёлтое платье уже успело помяться.

– Я тебя искала. Сначала велели стоять по росту. Потом по происхождению. Потом вообще перестали со мной разговаривать.

– Может, ты сказала им, что их обувь пахнет скумбрией?

– Это были хорошие туфли. Они пахли окунем. Ты ела?

– Утром.

– Утром было пять часов назад. На.

Она сунула мне тёплый пирожок с капустой.

Я покосилась на стражу у входа.

– Здесь можно есть?

– А где написано, что нельзя?

Я взяла пирожок. Пиппу я знала минут пятнадцать и уже почти любила.

Хотя вчера меня вообще не должно было здесь быть.

Жребий вытянула Мэй – моя лучшая подруга и худшая лгунья Лоскутного квартала. Она вернулась с площади белая как полотно и держала билет на вытянутой руке, будто тот мог укусь.

Я смеялась минут пять. Потом заметила, что у неё дрожат губы.

– Я не могу туда пойти, Рен.

– Почему? Дворцу надо подарить ещё одну швею. От тебя хотя бы польза будет.

– Там драконы.

С драконами у Мэй отношения не сложились ещё в детстве. Один старейшина приземлился на нашей улице и расплавил водосточную трубу как раз тогда, когда она доставала оттуда котёнка. Котёнок выжил. Труба нет. С тех пор Мэй шарахалась даже от вышитых крыльев.

Эсфирь долго смотрела на жребий, лежавший возле ножниц. В мастерской пахло горячим утюгом и мокрым сукном, за стеной Мэй всхлипывала в подушку, а у нас на столе лежало недошитое свадебное платье дочери булочника. Конец света концом света, сроки никто не отменял.

– Ты не обязана, – сказала Эсфирь.

– Знаю.

– Она вытянула. Так бывает.

– А я умею не падать в обморок от слова «дракон».

– Тоже бывает. – Эсфирь понизила голос. – Рен, там могут спросить о семье. Об имени матери.

Я поправила лампу над швом.

– Я всё выучила. Ты моя мать. Отец был ткачом. Родилась у гавани. Никто не полезет дальше.

– Кто знает, куда полезут, когда увидят девушку с глазами...

Она оборвала фразу.

Имя Мирры Вэйл у нас произносили только на кухне, после закрытия дверей. Казнённая Предательница Нити была плохой родственницей для девушки, которая собиралась войти во дворец под чужим жребием.

– Я буду смотреть в пол, – пообещала я.

– Ты обещаешь это шестнадцать лет.

– Потому что люди шестнадцать лет делают дурные стежки.

Эсфирь сгребла обрезки лент в коробку. Когда нервничала, она всегда принималась убирать.

– После Отбора сразу домой. Не спорь с дворцовыми. Не ищи, где они хранят книги. И не спрашивай, как работает Веретено.

– А если меня выберут?

Она посмотрела так, что вопрос захотелось забрать обратно.

– Не выберут. Народные жребии берут для вида. За триста лет ни одной простой девушки.

– Значит, буду первой.

Я улыбнулась. Эсфирь – нет.

Вместо ответа она достала старую дорожную сумочку, ту самую, с которой мама когда-то отправила меня к ней. Внутри лежали нитки, маленькие ножницы и белый платок, почти до дыр заштопанный по краю.

– Он её, – сказала Эсфирь. – Если станет страшно, держи в руке. Только никому не показывай.

В углу платка была вышита буква «Р» – левым косым стежком. Так мама учила меня читать пальцами.

Я провела по букве и вспомнила мокрую мостовую, запах лошадей и мамины руки, затягивающие у меня на шее цепочку с напёрстком.

– Она знала, что не вернётся?

Эсфирь поставила утюг на стол. Вода зашипела.

– Думаю, надеялась вернуться. Мирра умела надеяться дольше других. Но глупой она не была.

Я много лет спрашивала себя, почему мама не убежала вместе со мной. Ответа всё ещё не было. Зато впервые мысль о том, что она просто выбрала работу вместо дочери, показалась мне слишком простой.

Эсфирь подвинула ко мне недошитый рукав.

– Работай. До полуночи надо закончить.

– Ты не сказала, можно ли поменять жребий.

– Потому что знаю: ты всё равно поменяешь.

Через полчаса я спросила, сколько осталось выплатить хозяйке дома за мастерскую. Эсфирь велела не считать чужие долги. Я всё равно записала сумму на уголке выкройки.

У меня были причины вернуться из дворца живой, кроме собственной головы.

Поздно вечером посыльный принёс Мэй коробку сахарных фиалок с запиской «от тайного поклонника». Мы посмеялись: ни один из её поклонников не умел писать без клякс.

Мэй съела две конфеты. Одну предложила мне, но я держала иглу зубами и отмахнулась.

Через четверть часа у неё закружилась голова. Через час начался жар.

Эсфирь отправила меня за лекарем. Тот пообещал, что к утру опасность минует, но Мэй всё равно вцепилась в мою руку.

– Я не пойду завтра.

– С таким жаром тебя и до ворот не довезут.

– Жребий на моё имя. Они пришлют стражу.

До этого я собиралась заменить её из-за драконов. Теперь спорить было не о чем.

Ночью я отнесла билет в контору Отбора. Пьяненький писарь переписал его на моё имя за несколько медяков и поворчал, что в списке уже стоит отметка: замену разрешить.

Я тогда обрадовалась чужой небрежности.

Перед Отбором успела заглянуть к Мэй. Жар держался, хотя лекарь уверял, что худшее прошло.

А когда вернулась домой за сумкой, обнаружила свою комнату вверх дном.

Деньги в жестяной коробке лежали на месте. Рабочий нож и катушки тоже. Зато подушку вспороли, подкладку зимнего пальто разрезали, старые пуговицы высыпали на пол.

Искали что-то маленькое.

Напёрсток на цепочке лежал у меня под воротом. Мама надела его мне в восемь лет. За шестнадцать лет я так и не нашла в нём ничего необычного.

Но кто-то, похоже, был уверен, что искать стоит.

– Ренна, ты куда пропала? – Пиппа подтолкнула меня локтем.

Я вернулась в Зал Прях.

– Думаю, как уйти отсюда пешком и сохранить голову.

– Тут до ворот далеко. Я считала ступени, сбилась на двухстах. Ты видела императрицу? Она правда вся в жемчуге?

Я подняла глаза.

Императрица Аделаида сидела справа от трона. Жемчуга оказалось меньше, чем ожидала Пиппа: тонкая нить на шее и браслет с белыми камнями. Рядом кашлял в вышитый платок император Аурелиан – добродушный на вид и страшно усталый.

Императорские портреты многое недоговаривали.

У подножия трона стоял Хранитель Веретена Валь с длинным серебряным жезлом. На его кольцо магическая защита была прошита безупречно, кроме крошечной петли с внутренней стороны.

Чужой взгляд её не заметил бы.

Мой – заметил.

Не смотри на магию.

Я уставилась в пол и принялась считать царапины на каменной плите.

– Вот он, канцлер, – шепнула Пиппа.

Дейн остановился у первой линии придворных. Высокий, сухощавый, с аккуратной седью на висках. На запонках мерцала тонкая маскировочная работа.

До этого утра я никогда не задумывалась, зачем человеку прятать запонки.

Под руку с ним шла Селестина, его племянница. Белое платье, зелёная вышивка, причёска такая тугая, что, наверное, больно моргать. Спина прямая, подбородок чуть поднят.

– Говорят, её с трёх лет готовят, – сообщила Пиппа. – Языки, законы, танцы. Есть надо каким-то особым ножом. Или вилок. В общем, мучение.

– К чему готовят?

– Стать истинной принца.

– Я думала, выбирает Веретено.

– Так всем и говорят.

В эту минуту Пиппа показалась мне умнее половины зала.

За канцлером стоял летописец Альберик Фенн – полноватый, с добрыми морщинками у рта, в серых шёлковых перчатках. Реестр он держал на подушке, как новорождённого. Когда наши глаза встретились, Фенн улыбнулся.

Я ответила тем же. В Лоскутном квартале учили: с дворцовыми чиновниками лучше не начинать знакомство с недовольной рожи.

– Его высочество прибыл? – спросил Валь.

– Пока нет, хранитель.

По залу прошёл шёпот.

Старший принц Кейран Ашвейл десять лет избегал Отбора. В народе его звали Пепельным. Говорили, однажды он сжёг целый город, а потом три дня ходил по пепелищу и решал, кого из выживших казнить.

Я не верила половине этих историй.

Плохо было то, что второй половины мне вполне хватало.

– Может, не придёт, – прошептала Пиппа.

– И нас отпустят?

– Наверное.

Я почти успела обрадоваться.

Двери распахнулись ровно тогда, когда я дожевала пирожок.

Кейран вошёл один. Высокий, широкоплечий, в тёмном камзоле без единого драгоценного камня. Смуглая кожа, тёмные волосы, белая полоска старого ожога на левом виске.

Никакого пламени вокруг него не было. Просто люди расступались заранее.

– Ты опоздал, – сказал император.

– Я пришёл.

– Это не ответ.

– Другого у меня нет.

Тэйн, младший принц, отвернулся, пряча улыбку. Кейран встал у чаши огня, скрестил руки и посмотрел на Веретено так, будто ещё немного – и плюнет.

Спасибо хотя бы, что сдержался.

Начался Отбор.

Сначала знатные девушки, потом девять народных жребиев. Они подходили к Веретену, прижимали запястье к золочёной чаше и отходили.

Ничего.

На шестой кандидатке Кейран зевнул. Кто-то в первом ряду оскорблённо ахнул.

Селестину представили особенно торжественно. Дейн пригладил невидимую складку на её плече и поцеловал племянницу в лоб.

– Не забудь, чему тебя учили, – сказал он так тихо, что я прочла по губам.

Селестина подошла к чаше.

Веретено не шелохнулось.

Она простояла положенное время, выждала ещё несколько секунд и отступила. Лицо осталось спокойным. Только у канцлера её ногти впились в собственную ладонь.

– Следующие! – велел распорядитель.

Народных девушек пустили по две. С Пиппой закончили так быстро, что она едва успела убрать руки от чаши.

– Спасибо за великодушие, – пробормотала она стражнику и получила толчок в спину.

Я шла последней.

– Ренна Терн, дочь ткача, Лоскутный квартал! – объявил Фенн.

На последнем слове его голос чуть дрогнул.

Я шагнула к чаше. В новых туфлях было трудно даже стоять. В трёх шагах от Кейрана я почувствовала исходящий от него жар.

Он повернул голову на звук моих шагов.

– Руку, девушка, – сказал Валь.

Я подняла ладонь.

Магические швы Веретена до этого лежали спокойно. Теперь среди золота натянулась тонкая серая нитка. Она скользнула по краю чаши, свернулась крючком и рванулась к моему запястью.

Кто-то это пришил.

Веретено вздрогнуло.

Над чашей вспыхнула золотая нить. Она ударила Кейрана по запястью, обвилась вокруг него и вернулась ко мне.

Зал ахнул.

Все смотрели на золото.

Я – под него.

Там лежал грубый потайной шов. Косые стежки уходили влево.

Я знала этот наклон.

Так шила мама, когда торопилась.

Кейран резко повернулся ко мне. На секунду Пепельный принц выглядел человеком, которому подали обед, а обед заговорил.

Валь опустил жезл. Фенн застыл с открытым ртом. Селестина вцепилась в локоть дяди.

Мне хотелось вернуть Пиппе пирожок и уйти через ближайшее окно.

Моя мать умерла шестнадцать лет назад.

А шов был сделан её рукой.

Я не истинная дракона.

Но кто-то очень постарался, чтобы все решили иначе.

Глава 2. Улыбайся, истинная

«Шёлковый шёпот»: «Золушка из Лоскутного квартала! Любовь слепа, но Веретено, как выяснилось, косит на оба глаза».

Первым отреагировал Тэйн. Присвистнул так громко, что ближайшая придворная дама подпрыгнула.

– Брат! Наконец-то! – Он захлопал. – Я уже думал, ты женишься на собственной лошади!

– Тэйн, – укоризненно сказала императрица.

Сама при этом улыбалась сквозь слёзы.

Император поднялся и раскинул руки – почти готовый парадный портрет. Потом закашлялся и секунд десять не мог говорить.

Когда приступ прошёл, он объявил:

– Судьба услышала наш дом!

Мне хотелось услышать судьбу в ответ и уточнить, можно ли вернуть товар.

Валь уронил жезл. Металл ударился о мрамор. Хранитель поднял его дрожащими руками, бледный до серости.

Кажется, заметила это только я. Остальные смотрели на золотую нить и Кейрана.

Сам Кейран – на нить, потом на меня, потом снова на нить.

– Нет, – сказал он.

Император сделал вид, что не расслышал.

– Да! – с удовольствием ответил Тэйн.

– Отец. Мне нужно...

– Подойди к девушке.

Спор был закончен.

На шее Кейрана на миг проступили тёмные чешуйки. Он шагнул ко мне.

Я попятилась и чуть не врезалась в чашу огня. Кейран перехватил меня за локоть и удержал на месте.

– Имя, – процедил он.

– Его только что объявляли.

– Я тебя спрашиваю, а не реестр.

– Ренна.

– Фамилия?

– Терн.

– Послушай, Ренна Терн...

– Ваше высочество, – тихо подсказала я.

Он прищурился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.